

Осторожно приняв меч, Мо Чэ тяжело опустил руку мне на голову. Он прерывисто, натужно дышал, прижимая ладонь к груди. На его лице, бледном, точно выточенном из белого нефрита, выступил холодный пот; капли срывались с подбородка, разбиваясь о землю. Стиснув зубы, он с усилием выпрямился и — нарочно или нет — заслонил меня собой, полностью перекрывая обзор.

— Какая поразительная стойкость. Надо же, ты всё ещё держишься на ногах, — раздался издевательский смех, тонкий и чистый, точно звон серебряного колокольчика.

Я не видел лица Мо Чэ, но чувствовал, что он на пределе. Дыхание его стало неровным, прерывистым, однако голос, прозвучавший из пересохшего горла, оставался на удивление чётким и твёрдым:

— Пустяки. Обычный демонический яд не стоит и упоминания.

— Сам едва дышишь, а всё пытаешься защитить этого бесполезного небожителя, — Хун Сян расхохотался ещё громче, и в его смехе сквозила ледяная злоба. — Неужели... он тебе нравится?

Я невольно сжал пальцами край одежды Мо Чэ.

Тот не колебался ни секунды. Не оборачиваясь, он ответил глухим, спокойным голосом:

— Да.

Этот низкий звук замер в воздухе, обволакивая меня. Мо Чэ стоял неподвижно, и перед моими глазами был лишь он — высокий силуэт в чёрных одеждах, надёжный и настоящий.

Сердце моё дрогнуло, но одновременно с этим в душе вспыхнула горечь.

Немного помедлив, я разжал пальцы и решительно вышел из-за его спины.

«Большой молчун, неужели ты думал, что если заслонишь меня, то сможешь скрыть всё, что уже произошло?»

Никто не сможет вечно оберегать меня от правды. Если судьба заставляет меня столкнуться с ней лицом к лицу, то, даже если впереди разверзнется бездна, я должен смотреть широко открытыми глазами.

Потому что я здесь. И как бы я ни пытался обмануть себя, мне некуда бежать.

Мо Чэ повернул голову. Его мертвенно-бледное лицо в призрачном лунном свете казалось почти прозрачным, а взгляд, подёрнутый дымкой боли, напоминал рябь на глубокой воде.

— Разве в школе Умин не презирают семь чувств и шесть желаний? — Хун Сян криво усмехнулся. — Я-то помню, как старик Мо разглагольствовал о добродетели. Выходит, на словах одно, а на деле другое? Какое мерзкое лицемерие.

При упоминании Мо Цяньшаня Мо Чэ вздрогнул, его ледяные пальцы сильнее сжали рукоять меча.

— Ума не приложу, почему эта хладнокровная женщина, Цзаньби, отпустила тебя... — Хун Сян осёкся, не желая продолжать, и его голос стал ещё холоднее: — Впрочем, сегодня тебе так не повезёт.

«Послушай, приятель, — подумал я, — ты называешь это везением?»

Стоило Хун Сяну договорить, как на нас обрушилась волна удушающей демонической ауры.

Конечно, я не был каким-то великим мастером и не мог внезапно пробудить в себе божественные силы, чтобы спасти всех. Напротив, я превратился в обузу для Мо Чэ.

Его шаги стали неверными. Если бы не ледяное сияние меча, которое отпугивало мелких тварей, Мо Чэ вряд ли продержался бы так долго.

Но следующую атаку предпринял Цинь Хуань.

Он перехватил меч и ринулся вперёд — его движения стали куда быстрее и точнее, чем раньше.

Мо Чэ среагировал мгновенно: он оттолкнул меня себе за спину, но, ослабленный ядом, не смог выдержать натиска. Ноги его подкосились, и он рухнул на землю.

Сердце пронзила острая боль и страх.

Я видел, как Цинь Хуань хладнокровно вырвал Хэнчэнь из рук Мо Чэ. Не помня себя, я бросился вперёд и вцепился в его локоть:

— Цинь Хуань, приди в себя!

Тот брезгливо стряхнул мою руку и бросил короткое, ледяное:

— Это тебе пора проснуться.

Отлетев в сторону, я с трудом поднялся и тут же обхватил Цинь Хуаня за ноги, не давая ему уйти:

— Делай со мной что хочешь, но не забирай вещи Чэ!

В его пустых глазах на мгновение промелькнула странная искра. Он нахмурился, и его голос стал ещё тяжелее:

— Отпусти.

— Не отпущу! — У меня не было силы, оставалось только упрямство.

Хун Сян впереди лишь издевательски прикрыл рот ладонью, наблюдая за этой сценой как за весёлым представлением. Он подал знак.

Цинь Хуань кивнул и, не колеблясь, замахнулся мечом, целясь мне в голову. Я успел откатиться в сторону и в ужасе увидел, как лезвие вонзилось в землю там, где мгновение назад была моя голова.

— Цинь Хуань... ты...

Меня затрясло от осознания: он действительно был готов меня убить.

Не давая мне опомниться, Цинь Хуань продолжил атаковать. Удар за ударом, без тени пощады. Мне оставалось только отчаянно уворачиваться, не имея никакой возможности вернуть меч Мо Чэ.

Я заметил, что при выпадах Цинь Хуань слегка прячет левую руку за спину — именно в ней он сжимал Хэнчэнь. Если бы я смог зайти ему в тыл и перехватить запястье, я бы вернул меч и, возможно, сумел бы оглушить его. План казался превосходным.

Но реальность оказалась куда суровее.

Рискуя лишиться головы, я бросился к нему. Но разве Цинь Хуань позволил бы мне так просто подобраться? Стоило мне приблизиться, как последовал резкий контрудар. В итоге я не только не коснулся меча, но и чуть не отправился на перерождение.

Когда надежда уже почти угасла, случай подарил мне шанс.

Цинь Хуань на мгновение открылся, и я, не раздумывая, прыгнул ему на спину. Но я забыл, что он куда сильнее меня. Вместо того чтобы перехватить меч, я сам оказался в ловушке.

Он навалился на меня, заламывая руки назад так, что в позвоночнике что-то хрустнуло от невыносимой боли.

Его взгляд оставался пустым. Он поднял меч — спокойно, уверенно. В следующее мгновение острие должно было вонзиться мне в шею.

Но лезвие лишь срезало прядь моих волос.

Внезапный порыв ледяного ветра взметнул пыль. Какая-то неведомая сила отклонила руку Цинь Хуаня, заставив его промахнуться. Все замерли, оглядываясь, но вокруг не было ни души.

Лицо Хун Сяна исказилось, в глазах мелькнул страх.

— Уходим, — резко скомандовал он.

В мгновение ока все демоны исчезли, унося с собой Цинь Хуаня и меч Хэнчэнь.

Я озадаченно поднял голову. Вместе с ветром до меня донёлся знакомый, тонкий аромат.

В лунном свете, спиной к небу, стоял человек. Его длинные чёрные волосы, подобные шёлку, неистово плясали на ветру.

Небо казалось таким близким. Чьи-то изящные, белые, как нефрит, пальцы приподняли мой подбородок. Почувствовав знакомый манящий аромат, я замер, а в следующую секунду этот человек слегка прикусил мою щеку, оставив на коже ряд мелких зубов.

— Совсем сдурел от страха? Какой же ты бесполезный, — произнёс он с лёгкой усмешкой, поправляя мои растрёпанные волосы.

— Фэн... Фэнхуа, — заикаясь, выговорил я. На моей щеке всё ещё ощущалось влажное тепло его дыхания.

Фэнхуа недовольно щелкнул меня по лбу:

— Глядя на твою дурацкую рожу, даже моё имя нормально не выговоришь.

Сглотнув, я уставился на его безупречно красивое лицо.

— Послушай... Фэнхуа... почему ты здесь?

Он тряхнул головой, очертив подбородком изящную линию:

— Я никуда и не уходил.

— А?

Видя моё недоумение, он в сердцах потянул меня за ухо:

— Глупый малый, я говорю — я всё это время был здесь!

Он тянул не на шутку.

— Был и был, зачем ухо-то крутить! — возмутился я.

Едва освободив несчастное ухо, которое уже горело огнём, я сердито зыркнул на него и бросился к лежащему без сознания Мо Чэ. Фэнхуа неспешно последовал за мной.

— Хм, — хмыкнул он, бросив на Мо Чэ ледяной взгляд. — Лучше бы я и впрямь ушёл. Не пришлось бы смотреть на ваши нежности. Знал бы — подождал бы, пока они его прикончат.

Он даже занёс ногу, собираясь пнуть неподвижное тело, но я вовремя преградил ему путь.

Обняв Мо Чэ, который казался сейчас невероятно тяжёлым, я огрызнулся:

— Только попробуй его тронуть!

Фэнхуа безразлично пожал плечами:

— Какая разница. Ему всё равно недолго осталось.

«Недолго осталось?..»

В лавке, кроме несчастного Цзя Юна, который погиб, все остальные были в том же состоянии, что и Мо Чэ: ледяная кожа, едва уловимое дыхание и мертвенная бледность.

Я долго терпел, но наконец поднял глаза и тихо спросил:

— Послушай... ты ведь мастер в ядах. Ты ведь знаешь, что с ними, верно, Фэнхуа?

— С чего это ты спрашиваешь меня? — он нахмурился, пронзительно глядя на меня своими изумрудными глазами.

— Я не могу понять, что это за отравка. Я спрашивал того человека в красном, но он только посмеялся надо мной, — я вспомнил презрительный взгляд Хун Сяна, и в груди закипела бессильная злость.

Фэнхуа усмехнулся, в его глазах заплясали искорки:

— Глупец, так тебя ещё и обсмеяли?

— Да, обсмеяли, и что? — буркнул я. — Ты же знаешь, что я для тебя всегда был недотёпой, я привык.

Фэнхуа отвернулся и замолчал. Время шло, а он не двигался. Я не выдержал и схватил его за рукав:

— Да не стой ты так спокойно! Помоги им!

Он тонко улыбнулся:

— И почему ты решил, что я стану помогать?

Я на миг оцепенел, мои пальцы на его одежде дрогнули, но тут же сжались ещё крепче:

— Я знаю, что ты меня терпеть не можешь. Но у меня нет другого выхода! Был бы способ — я бы не просил. Просить тебя — это всё равно что подставляться под твои вечные издёвки, будто я тебе по жизни должен... — я понял, что несу чушь, и быстро поправился: — Нет, я хотел сказать... сейчас ты — единственный, кто может их спасти.

— А если я откажусь?

— Эй, не надо так, — я вцепился в его одежды. — Ты сейчас в моих руках, и пока не поможешь — я тебя не выпущу.

Я не видел в своих словах ничего смешного, но этот демон персика почему-то едва сдерживал смех.

Любой дух растений смылит в ядах, а уж Фэнхуа, чьё долголетие и вовсе не поддавалось

счёту, щёлкал такие задачи как орехи. Он начал отдавать распоряжения, гоняя меня за лекарствами и травами. Это было единственное, чем я мог помочь.

На душе было паршиво. Раньше я неплохо разбирался в исцелении, а теперь... теперь я только и помню названия цветочков, а на деле — совершенно бесполезен.

Я сидел на пороге, глядя в небо. Утренняя заря, точно расплавленный сургуч, разливалась по горизонту, смешивая синеву с багрянцем. Мир замер, созерцая эту безмолвную красоту.

Три дня назад Ху Лай и остальные пришли в себя. Они всё ещё были бледны, а их руки оставались холодными, но разум к ним вернулся. Ко всем, кроме Мо Чэ.

Фэнхуа сморщил нос и с привычным равнодушием бросил:

— Зачем он тебе? Демонический яд пронзил его сердце, он не жилец.

«Ты лжёшь!»

Я хотел сорваться на крик, но в последний момент лишь молча отвернулся.

Яд в сердце.

Фэнхуа не лгал.

Оказалось, Цинь Хуань намеренно оставил Цзя Юну жизнь на время. Он заранее отравил его особым демоническим ядом — бесцветным и без запаха, который проникает в кровь. Стоило кому-то оказаться рядом и вдохнуть хотя бы малейшую частицу этого испарения, как силы начинали медленно покидать тело, ведя к неминуемой смерти.

Это был яд, по капле выпивающий жизнь.

Что же до Мо Чэ... Тот яд, что должен был убивать медленно, в его теле стал смертоносным. Мо Чэ пытался подавить его своей силой, из-за чего отравы лишь глубже вьелась в меридианы, а раны, полученные в бою с Цинь Хуанем, превратили вялотекущее увядание в стремительную агонию.

Фэнхуа сказал мне, что противоядия не существует. Всё, что он мог — это лишь на время замедлить действие отравы.

Единственный шанс — отправиться в Восточное море и просить у клана драконов Божественную жемчужину застывшей луны.

Я слышал о ней раньше. Божественная жемчужина застывшей луны — бесценное сокровище драконов. Говорили, что она исцеляет любой яд в поднебесной и хранит всё живое от тлена веками.

Вот только почти никто её не видел. Многие и вовсе сомневались в её существовании.

Я поднялся, отряхнул одежду и направился к комнате Мо Чэ.

Толкнул дверь, и луч утреннего света скользнул внутрь впереди меня. Я медленно подошёл к неподвижному телу. Ощущение собственного бессилия душило, точно тяжёлый камень на груди.

Он лежал спокойно, на губах застыла едва заметная улыбка. Вокруг него мерцало кольцо бледного сине-фиолетового света.

Чтобы Мо Чэ дождался моего возвращения, я умолил Фэнхуа запечатать его время. Это ещё больше разозлило Ху Лая и остальных — ведь их спас демон, — но иного пути не было.

Я коснулся кончиками пальцев его ресниц, кончика носа, губ. Я долго стоял так, погружённый в это горькое оцепенение, пока не почувствовал, что по щеке катится слеза.

Опустившись на колени у кровати, я взял его ладонь в свои, прижался к ней щекой и закрыл глаза, пытаясь запомнить его запах.

Наконец я тихо произнёс:

— Я ухожу.

— Вчера Ху Лай говорил мне, чтобы я не валял дурака ради какой-то легенды. Но я верю, что такие слухи не рождаются на пустом месте, — я шмыгнул носом и горько усмехнулся. — Знаю, толку от меня мало. Я потерял твой меч, потерял Цинь Хуаня... Но я не хочу потерять ещё и тебя. Я хочу сделать для тебя хоть что-то.

Я сжал его пальцы так крепко, как только мог, хотя ответа не было.

— Я добуду жемчужину в Восточном море. Ты только держись и жди меня, слышишь?

Я знал, что он не ответит.

В последний раз коснувшись его лица, я медленно разжал ладонь.

Я вышел из дома. Фэнхуа уже ждал у ворот, залитый лучами восходящего солнца. Он протянул мне руку, и я вложил свою ладонь в его.

— Глупый малый, — проворчал он. — Ну ты и черепаха. Чего так долго?

<http://bllate.org/book/17534/1706329>